

Вспомним ли?

Л.Малюкова
Доцент педагогического института

Имя Софьи Парнок едва ли известно нашему читателю. Между тем как многие современники ставили ее в один ряд с выдающимися поэтическими личностями: А.Ахматовой, М.Цветаевой.

Мою заинтересованность к забытой и не востребовавшей временем поэзии С. Парнок пробудили сами поэты. Листая пожелтевшие страницы периодических изданий предреволюционной и революционной поры («Северные цветы», «Аполлон», «Камена», «К искусству»...), сочинения забытых и ныне изданных поэтов, ее нельзя было не заметить. Имя поэт довольно часто всплывает в критических и мемуарных публикациях М.Волошина. На вопрос анкеты: «Какую бы книгу вы взяли с собой на необитаемый остров?» - без колебаний он ответил: «Стихи Софьи Парнок». С чувством глубокой признательности к ее стихам и сожаления о ее преждевременной смерти отзывалась А. Ахматова. Из воспоминаний Л. Горнунга: «Прочел Ахматовой стихи Парнок, уже скончавшейся. Стихи произвели на нее большое впечатление, и она сказала: «Как мы богаты, если у нас есть еще такие стихи». М.Цветаева, с которой ее связывала тесная дружба, особенно в 1914-1917 гг. посвятила ей целый цикл стихов «Подруга», в который вошло и стихотворение, ныне ставшее широко известным, «Под лаской плюшевого плена». О ней писали Вл. Ходасевич и А. Цветаева в своей последней книге воспоминаний «Неисчерпаемое»; не обошли вниманием и О.Мандельштам, Н.Гумилев, В.Брюсов.

Такая высокая аттестация авторитетных критиков едва ли может оставить безучастным не только профессионального филолога, но и взыскательного читателя. Вероятность этого заключения для меня стала еще более несомненной с открытием биографических сведений поэта: родилась и жила в Таганроге, и хотя значительная часть ее поэтического бытия связана с Москвой, неоднократно приезжала на родину, где училась в гимназии ее младшая сестра Е. Тараховская позже ставшая известной детской писательницей. Вместе с тем возникшая мысль не покидала меня: кто это сегодня помнит? кто знает? кто оценит? И нужно ли все это, когда все смешалось, переверотилось? Но ведь речь идет о большом художнике, которого, как и всякую «несущественность», забыли, затеряли под сухой однообразный треск нашей несостоявшейся жизни. Ни его ли С. Парнок уловила чутким слухом, когда в 20-е годы, испытывая всю горечь своей нелегкой жизни, с чувством провидения писала: «... Вот так! Не добрая, не злая, Под эту музыку жила я. Под эту музыку умру». ... Замечали, ценили, помнили «они», - «оттуда», из бездонных глубин магических зеркал «серебряного века». Они - не мы. Вспомним ли? Найдем ли след своего промотанного наследства или передам его еще более жесткому забвению?

Беспристрастность их оценок - вне сомнений. Но для меня они открывают одно драгоценное качество: «сквозь оценку» наметить путь своего постижения облика поэта, услышать «по-своему» неповторимость его волшебного голоса. В первоначальности узнавания «из вторых рук» есть определенная закономерность: если эти руки истинного творца, они берут вас в свой колдовской плен, водят по краю бездны, заглянув в которую, уже не оторваться. На этой счастливой волне узнавания возникает логичный вопрос: «Чем покорила С. Парнок современников? Неординарностью ли поэтической личности или невиданной оригинальностью стиха? Ответить на него и просто и сложно. Простота - в искренности таланта художника, сложность - в недостатке материала, которым мы располагаем, в самой форме изложения, требующей необходимости исследования, но ограничивающей себя газетным вариантом. И все-таки, сделаем попытку.

Немного найдется поэтов, в творчестве которых личное бытие и поэзия представляли бы такой единый гармоничный сплав, как у С. Парнок. Перечитывая написанное ею и о ней, невольно ощущаешь эту слитность. М. Цветаева ее выразила так: «Всех героинь шекспировских трагедий я вижу в вас». Сам облик С. Парнок глубоко взволновал ее. Потому с такой исчерпывающей тщательностью она запечатлела все, что было связано с ним: и «вечный загар сквозь блонды», в котором сквозит «полуночный Лондон», и «крылатый воротник» вязаной черной куртки, и даже запах «Белой розы», - модных французских духов того времени. Но особую дань она отдала рукам поэта, заметив не только их «перстневую унизанность», но и то, что это рука, к которой «шел бы хлыст // И в серебре - опал. Рука, ушедшая в шелка, // Достойная смычка. // Неповторимая рука. // Прекрасная рука». Одним словом, рука мастера, способная вдохновлять, будить мысль, очаровывать. И она вдохновляла и очаровывала: «ритмичностью» жизни, естественностью ее вечных биотоков, в которых заключены и драматизм кружения, и трепетность мина, и ослепительность экзотики, и невосполнимая прелесть красоты, что как перо «жар-птицы», осенивши и осеявши, бесследно исчезает. Все это С. Парнок ставила в центр своего мироощущения. Оно было смыслом ее трагического бытия:

К чему узор расцвечивать пестро?

Нет упоения сильней, чем в ритме.

Два такта перед бурным болеро

Пускай оркестр гремящий повторит мне.

Настойчивая мажорность интонации сменялась умиротворенностью, стремлением к самозабвенной мечтательности: «Птичьему посвисту// Внемлет душа. Так бы я по свету тихо прошла». Но мечта так и оставалась мечтой, реальность же все больше оборачивалась бескомпромиссной жестокостью. Мировая война, еще чудовищнее – революция. Ее злоешие отблески врываются в естественный мир человеческого бытия, разрушая и искореживая его. И тогда в лирике поэта возникали призрачные, почти сомнамбулические картины, где все было на «границе» зыбких снов и яви, - распадалось, куда-то мчалось, кружилось в огневой дьявольской пляске так, что обычному логическому объяснению не поддавалось, его можно было только почувствовать: «как будто как-то равнодушный // с вещей и лиц совок покров - // И тьма, как будто тень от света, и свет как будто отблеск тьмы. // Да был ли день? И ночь ли это? // Не сон ли чей-то смутный мы?»

«На границе» тьмы и света рождалось движение к спасительным астральным глубинам духа. В их сокровищнице у лирической героини С. Парнок было все, кроме губительного покоя. И любовь - основной мотив ее поэзии - всегда «поединок двух волей», двух «жизней панорама», где линии судьбы «проходят остро». Этим она, несомненно, близка мятежной героине М. Цветаевой и бескомпромиссной А. Ахматовой. Но в отличие от них у С. Парнок мир реальный, как правило, существовал с миром воображаемым, закодированным «на листе бумаги». В результате появилась ключевая философская формула: действительность сложнее и жестче мира книжного, «придуманного»:

Я люблю в романах все пышное и роковое -

*Адский смех героинь, наполненный
ядром клинок.*

А наша повесть о том, что всегда нас - двое,

Что, друг к другу прильнув, я одна и ты - одинок.

О С. Парнок можно говорить много: о ее чувствах «на излом», сродни которым «котлы кипящих бездн» и «магия молчанья», о безукоризненной технике стиха, о его предельно развитой пластике, о том, какие прекрасные трагические стихи написала она, уже предчувствуя свою близкую смерть. Вот эти:

Будем счастливы во что бы то ни стало....

Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь.

Вот уже смертельная усталость

И глаза и душу мне смежит.

*Вот уж не бунтуя, не противясь,
Слышу я, как сердце бьет отбой.
Я слабею, и слабеет привязь,
Крепко нас вязавшая с тобой.
Вот уж вечер вольно веет выше, выше.
Все в цвету, и тихо все вокруг.
До свиданья, друг мой! Ты не слышишь?
Я с тобой прощаюсь, дальний друг.*

О них А. Ахматова заметила: «Как это страшно! Почти как у Есенина».

Можно говорить и о непоколебимой вере С. Парнок в духовные ценности, в их незыблемую прочность в эпоху катастрофических взрывов, когда господствуют разрушительные инстинкты. /«Мы все пройдем, но устоят Кремль, // И по церквам не отзвучит прокимен» /И так же будет пламенен и дымен // закат золотоперистый вдали»/. Можно говорить и о личной судьбе; о том, как в начале 20-х годов она вынуждена была остаться в охваченном огнем Крыму, и М. Цветаева шла к Кремль «выбивать» для нее и голодающих писателей Киммерии «какую-нибудь помощь», о ее письмах к Вл.Ходасевичу в Париж, исполненных чувствах скорби и жалоб на безалаберность службы в советских учреждениях, о ее отношениях с М.Волошиным... Можно говорить... Но не заговорили: ни широкая российская общественность, ни таганрогская (а ведь корни С. Парнок – в Таганроге) ни в минувшем году - год 60 лет со дня ухода из жизни, - ни в ее юбилейный год - 100 лет со дня рождения. Заговорили о ней в штате Мичиган, где вышло из печати «Собрание стихотворений» С. Парнок. Грустный парадокс. За рубежом знают, мы - нет. Как тут не вспомнить горькие слова А.П. Чехова, посетившего Таганрог в 1887 году: «Такая крутом Азия, что я просто глазам не верю... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников».

Неужто время остановилось, и мы остались теми же «инертными жителями», что и сто лет назад?

Таганрог - город с особыми приметами культуры. Универсальная нить связывает его не только с «золотым веком» искусства, но не менее - и с «серебряным», так беспощадно расстрелянным, оплеванным, разогнанным, - кто в ГУЛАГ, кто «в себя», кто в вечное изгнание. Он связан со страницами жизни М.Волошина, К.Бальмонта, Н.Гумилева, да еще мало ли кого. Словом, город, камни которого хранят дыхание наших предков. Нельзя допустить, чтобы связующая его нить времен оборвалась. Ведь культура - это тот благодатный остров, который не дает возможности рушиться человеку, охраняет и сохраняет его духовный потенциал. Несомненно, городу нужен активный культурный центр, живой, постоянно действующий, где бы его творческая «часть» могла встречаться, обсуждать актуальные художественные проблемы, полемизировать, демонстрировать, открывать. Литературно-артистический салон ли это, кафе или пресс-клуб? Возможно. Сколько их было в дореволюционном Петербурге, Москве или других больших городах России. Сегодня их роль неоспорима. Если бы и нам... И тогда бы и имя Софьи Парнок и иже с ним, и многое другое не прошло бы мимо нас.